

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБЪЕКТА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале русского и английского языков)

Статья посвящена анализу особенностей отражения параметрических характеристик объекта в русской и английской языковых картинах мира. Делается акцент на том, что языковая картина мира, полученная в результате «проецирования» действительности в семантику естественного языка, отличается от мира действительности, а способ «измерения» объектов в языке подчинен идее антропоцентричности. Рассматривается влияние биологических характеристик человека, в частности особенностей его анатомического строения, на процесс зрительного восприятия окружающей его действительности. Показывается, что изучение языка с антропоцентрических позиций позволяет не только эксплицировать заложенные в нем в виде языковой картины мира знания о мире, но и извлекать знания о самом человеке, особенностях категоризации, концептуализации и интерпретации им внутреннего и внешнего мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, прилагательные размера, антропоцентризм, наблюдатель.

ON REFLECTION OF DIMENSIONAL CHARACTERISTICS
IN A LANGUAGE WORLD IMAGE
(based on the Russian and English languages)

The paper deals with the analysis of dimensional characteristics of objects presented in English and Russian common-sense knowledge. The author proves that dimensional designation in a natural language is not based on geometrical criteria, but is based on other, evidently more complex rules of human categorisation. The author shows that man's physical and biological environment places a number of constraints on how he can use spatial terms, in particular how he describes parametrical characteristics of objects. The author discusses a special role of an observer in the conceptualisation of space, focusing on the anthropocentric principle of perception of parametrical characteristics of objects. It is being proved that viewing language from anthropocentric positions helps get some valuable information both about the surrounding world and about peculiarities of human categorisation and conceptualisation.

Key words: linguistic picture of the world, dimensional adjectives, anthropocentrism, observer.

...язык создан по мерке человека,
и этот масштаб запечатлен в самой
организации языка»

Ю. С. Степанов

Подход к проблеме и постановка задачи

«Любая наука прежде всего существует для того, чтобы объяснить, как устроен мир, сам человек и его язык, каковы причины и последствия тех или иных физических, физиологических и психических явлений и процессов, в том числе в преломлении к языковой деятельности. Чтобы объяснить, как устроен язык и как он используется, требуется выход за пределы собственно языковой системы в область психики человека и рассмотрение этой системы в контексте наших общих знаний о восприятии, о памяти, о поведении человека и т. д.» [3, с. 34]. Вполне закономерно, что в последнее время все большее число исследователей связывает решение различных вопросов теории языкового значения и функционирования языка с изучением особенностей представления знаний в языке, выработкой принципов восприятия и членения мира, ставя во главу угла при этом «человеческий фактор» и рассматривая человека как «точку отсчета» в анализе тех или иных явлений окружающей действительности.

Как следствие, в лингвистический обиход прочно вошли такие понятия, как «концептуальная картина мира», «языковая картина мира»,

«языковое видение мира», «наивная картина мира», «обыденная картина мира» и т. п., суть которых сводится к тому, «что в системе языка, в его грамматическом строе и лексиконе отражается то, как человек видит окружающий его реальный мир и свое место в нем» [7, с. 9].

Во многих лингвистических исследованиях, по крайней мере, в тех из них, которые выполнены в русле когнитивной лингвистики, языковая картина мира рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира, под которой принято понимать «совокупность представлений и знаний человека о мире, интегрированных в некое целое и помогающих человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [9, с. 169]. Важно подчеркнуть, что концептуальный мир, существующий в сознании человека в обобщенном виде, формируется как с помощью языка, так и без него. Иными словами, отнюдь не вся информация, воспринимаемая органами чувств, равно как и уже обработанная структурами мозга, имеет языковую привязку. Так, в частности, в своей теории когнитивного развития Л. С. Выготский обращает внимание на то, что, поскольку мышление детерминировано биологически, а речь — социально, концептуальный мир является более объемным, а стало быть, более сложным явлением, нежели мир языковой. Язык же, будучи одним из основных атрибутов человека, есте-

ственно, не может не отражать в своей системе антропологических «следов», о чем красноречиво свидетельствуют данные исследований в когнитивной лингвистике [4, с. 109]. Поскольку семантика языка может расходиться со знанием о мире носителя этого языка, какие-то ее фрагменты приобретают как бы формальный характер, регулируя употребление соответствующих слов и их форм, но, не отражая при этом представлений о мире, релевантных для носителей языка [5, с. 15]. В этой связи представляется вполне логичным закрепление термина «языковая картина мира» за тем пластом семантической системы языка, который ощущается говорящими, фиксируется языковым сознанием. Иными словами, «языковая картина мира» — это та главная часть семантической системы языка, в которой закреплены обиходные представления говорящих [16, с. 115]. Кстати говоря, это во многом объясняет, почему исследователи квалифицируют языковую картину мира как *обыденную* (Е. С. Кубрякова, А. В. Кравченко) или *наивную* (Ю. Д. Апресян, Е. В. Урысон). Что касается той роли, которую играет языковая картина мира в познании мира, то она заключается прежде всего в типизации действительности посредством «выявления сходств и различий, тождеств и нетождеств» различных предметов и явлений [9, с. 170]. При этом следует иметь в виду, что языковая картина мира значительно отличается от научной, а потому энциклопедическая информация зачастую вредит лингвистическому описанию, детализируя и дополняя его, но искажая при этом «реальную семантику и ту картину мира, которую предполагает язык» [13, с. 24]. Сказанное относится и к представлению в языке параметрических характеристик объектов. Исследуя особенности «измерения» объектов в языке, мы столкнулись с тем, что картина пространства в английской и русской языковых картинах мира весьма далека от научной физико-геометрической модели пространства, и, как следствие, параметрическая характеристика объектов базируется не на геометрических правилах, а на других, более сложных законах категоризации, обусловленных уже упомянутым «человеческим фактором». Анализ языковой

измерительной системы такого «очеловеченного» мира представляет для нас особый интерес, поскольку восстанавливая мир, который видится «человеку в «зеркале языка», мы имеем возможность увидеть, в какой степени язык несет отпечаток человеческих способов освоения реальности, и в то же время проследить, как происходит восприятие сквозь «призму языка» [10, с. 85], что, собственно, и является одной из центральных задач современного языкознания. Сразу оговоримся, что перед автором настоящей статьи не стояла задача рассмотреть различия в представлении размерных характеристик объектов в анализируемых фрагментах английской и русской языковых картин мира, (хотя таковые, безусловно, имеются), напротив, мы преследовали иную цель — показать, что независимо от принадлежности к тому или иному этносу, способ измерения объектов в языке полностью подчинен идее антропоцентричности.

Антропоцентричность языка и иерархия пространственных измерений

Пространство как сфера бытия, познаваемого человеком через ощущения, характеризуется трехмерностью. Трехмерность пространства как объективное свойство действительности, в свою очередь, есть отражение когнитивных механизмов, лежащих в основе восприятия и познания мира человеком. В той мере, в какой это касается естественного языка, мир без человека не имеет измерений — точнее, мир существует только в человеческом измерении, ибо точкой отсчета и мерой всего в конечном итоге является человек [7, с. 29].

Биологические характеристики человека, в частности, особенности его анатомического строения, оказывают непосредственное влияние на то, каким образом он воспринимает и познает окружающую его действительность. «Наши пространственные представления связаны с восприятием положения нашего тела в пространстве. Изменение этого положения вносит изменения в пространственные представления, которые находятся в непосредственном контакте с действительностью. Иначе говоря: наши пространственные представления нуждаются в непрерывном притоке ин-

формации, говорящей о том, изменилось или нет положение тела человека, являющегося их носителем» [17, с. 89]. Среди всех пространственных измерений как психологически, так и физически наиболее значимым направлением является ось «верх-низ». Главенство вертикального измерения отражает характерную для человека пространственную ориентированность его тела в нормальных условиях, т. е. в положении стоя, которое можно назвать каноническим положением (Т. Т. Ли, Г. Кларк, А. В. Кравченко). Заметим, что в ходе лингвистических исследований появились многочисленные доказательства того, что так называемая «вертикальность», будучи неотъемлемой характеристикой человеческого тела, оказывает самое непосредственное влияние на формирование концептуальной картины мира, которая находит отражение в системе языка. В частности, если вести речь о представлении в языке размерных характеристик объекта, то прежде всего в нем находят отражение характеристики его вертикального измерения.

Так, например, высокие объекты, пишет Е. В. Рахилина [13], подобно человеку «стоят», они закреплены снизу, у них есть опора, фундамент, основание, от которых, кстати говоря, и измеряется вертикальная протяженность объекта, при этом часто основание совпадает с поверхностью земли (*высокая башня, высокий столб, высокое дерево, высокая гора*; в английском языке *tall tower, tall post, tall/high tree, high mountain*). Значительная часть высоких объектов по аналогии с человеком представляют собой самостоятельные предметные сущности. Даже в случае если объект, имеющий характеристику «высокий», является частью другого объекта, эта составляющая часть видится как самостоятельный объект, особенно если она располагается сверху другого, более крупного объекта (ср. *высокая шляпа, высокий лоб; tall hat, high forehead*). Значимым направлением для высоких объектов является направление вверх от центра Земли. Поэтому если водосточная труба, предназначенная для направления потоков воды сверху вниз, — длинная, то фабричная или печная трубы категоризируются как высокие, поскольку дым из фабричной и печной

трубы движется по направлению снизу вверх (в английском языке *long drainpipe*, но *tall chimney*). Высокие объекты являются результатом динамического развития, они, как и сам человек, растут вверх как, например, дерево, строящаяся башня. Сталагмиты, направленные вверх от поверхности земли, контрастируют со сталактитами, которые «растут» в направлении вниз к Земле (*высокие сталагмиты, длинные сталактиты; tall stalagmite*, но *long stalactite*) [1; 19].

Понятие «горизонталь» включает в себя два измерения: асимметричное «перед-зад» и симметричное «право-лево». Если исходить из биологических характеристик человеческого тела, то, как известно, его передняя и задняя части асимметричны, поскольку все органы восприятия расположены на передней части тела, кстати говоря, даже строение ушных раковин таково, что они направлены вперед, а не назад. В то же время тело имеет боковую симметрию: все внешние органы восприятия и движения расположены симметрично относительно вертикальной плоскости отсчета, разделяющей тело на две половины — правую и левую. Поскольку человек в норме осуществляет передвижение в пространстве по направлению, совпадающему с направлением его взгляда, равно как и контактирует со своим собеседником, находясь по отношению к нему в положении «лицом к лицу», можно утверждать, что фронтальная горизонталь («перед-зад») имеет более высокую значимость, нежели латеральная горизонталь («право-лево»).

Особенности чувственного восприятия, связанные с биологическими характеристиками человеческого тела, влияют на последовательность представления в языке параметрических характеристик объекта. «Воспринимаемая информация о предмете складывается из ряда объективных (наблюдаемых) признаков, из которых одни характеризуются большей выделенностью, другие — меньшей. Так, например, пространственные параметрические характеристики предметов (форма, величина, длина, ширина, высота и т. д.) при зрительном восприятии выделяются в первую очередь, поскольку в их основе лежит общий критерий количества, легко позволяющий проводить сравнение с некоторой нормой» [6, с. 183–184].

В свою очередь, параметрические характеристики предметов, выступающие в роли количественных признаков, также различаются между собой по степени выделенности. В частности, доминирующее положение вертикального измерения по отношению к горизонтальному, а фронтальной горизонтали по отношению к латеральной, находит отражение в особенностях синтаксической структуры высказывания: *...а левее стояла высокая тонкая колокольня... (Солоухин). Внезапно размахнувшись коротким и толстым зонтиком, она ударила Аркадия Аполлоновича по голове (Булгаков). Then suddenly she saw him, tall and thin and narrow and neat (Steel). It was a long narrow room with large windows (Murdock).*

«Вне сомнения, — пишет в этой связи В. Н. Топоров, — является актуальной связь между трехмерностью пространства и особенностями физиологического и психологического типа человека. Можно говорить о соответствии трехмерности пространства и тремя основными координатами, «разыгрываемыми» телом: верх-низ, правая сторона-левая сторона, передняя часть-задняя часть (или близкое-далекое). Характерно, что передняя часть и задняя часть отличаются внешне, т. е. они несимметричны), а правая и левая сторона, будучи симметричными, принципиально отличны друг от друга внутренне, т. е. анатомически и физиологически [14, с. 253].

Таким образом, давая параметрическую характеристику объектам, человек использует систему координат, построенную на основе измерения «верх-низ» (вертикальная позиция человека), асимметрии строения человеческого тела (измерение «перед-зад» на горизонтальной поверхности, «правый-левый» для боковых поверхностей), при этом в языке между координатными осями пространства существует следующая иерархия: 1) вертикаль; 2) фронтальная горизонталь; 3) латеральная горизонталь.

Ориентация объектов в пространстве относительно наблюдателя

Исходя из приведенных выше соображений, можно заключить, что всякий раз, когда мы говорим о пространственных отношениях и способах их выражения, мы имеем в виду не только то, каким образом наше пространствен-

ное представление о мире выражается в языковой форме, но и о то, «каким образом те или иные предметы получают пространственную характеристику в некоторой системе координат» [7, с. 43]. Для нашего исследования очень важно, что эта система координат является в значительной степени антропоцентричной, поскольку прежде всего она ориентирована на наблюдателя, реального или гипотетического.

В частности, относительно наблюдателя определяется не только местонахождение объекта, его передняя, задняя, правая, левая части, но также «измеряется» высота, глубина, длина и ширина объекта. Проведенный нами анализ конструкций с прилагательными размера подтверждает, что оценка в языке размеров объекта очень часто находится в зависимости от положения этого объекта в пространстве по отношению к наблюдающему субъекту.

Так, например, при интерпретации длины объектов, имеющих фасад, человек часто рассматривается как первичная точка отсчета; длиной при этом считается измерение, совпадающее с вектором, расположенным по направлению «от человека», или от передней до задней части объекта, ширина в этом случае — расстояние от одной боковой стороны до другой (side-to-side dimension) [18]. В большей степени это касается предметных сущностей, относительно которых человек имеет каноническую ориентацию — в норме человек расположен лицом к столу, плите, занимает определенную позицию, сидя на стуле или находясь в автобусе. По всей видимости, при измерении ширины наблюдатель (или гипотетический наблюдатель) как бы помещается посередине измеряемой «протяженности», а при определении длины — в ее начале [13, с. 133].

Встречаются ситуации, когда функциональное назначение предметов в целом совпадает, а сами предметы топологически схожи, тем не менее их параметрические характеристики отличаются, как в случае с колоннами и ногами (*высокие колонны, но длинные ноги*, в английском языке *tall columns, long legs*). Совершенно очевидно, что мы имеем дело с различными ситуациями наблюдения и, следовательно, с разными стратегиями «измерения» объекта

наблюдателем. Так, на ноги наблюдатель смотрит не иначе как сверху вниз, поэтому категоризует их как длинный объект, в то время как на колонны он смотрит снизу вверх, как на любой другой высокий объект. Аналогичный ход рассуждений помогает понять, почему в некоторых случаях характеристика лестницы как длинной или высокой зависит от направления взгляда наблюдателя, которое обусловлено его позицией по отношению к данному объекту (ср.: он поднялся по высокой лестнице, но: он спустился по длинной лестнице. И в английском языке: *On the other side of the circular yard was a long stairway going down to the river bank (Smith). The tank was on the far left of the terrace, and behind it, supported by stays, was an immensely tall ladder at the top of which was a tiny platform (Maughm)).*

Позиция наблюдателя является своеобразной точкой отсчета при «измерении» полых емкостей, имеющих функционально значимое поперечное сечение. Толстый описывает поперечное сечение при взгляде снаружи, а широкий — изнутри: *The pipe is 80 cm. long, fairly thick and wide enough [20]. Теперь газ поступал по широким (*толстым) трубам нового магистрального газопровода. Реконструкция была в самом разгаре: толстые (*широкие) трубы теплоцентрали перегородили улицу* (примеры позаимствованы у Е. В. Рахилиной [13]).

Интересны случаи, когда прилагательные размера, в норме описывающие разные измерения, как, например, *глубокий* и *высокий*, предстают как семантически близкие единицы, а выбор того или иного прилагательного для характеристики объекта обусловлен ситуацией наблюдения, если выражаться точнее, то «стратегией измерения объекта» наблюдателем. Так, например, если в качестве измеряемого объекта выступает емкость, у которой размеры внутренней и внешней вертикальной поверхности равны, *глубокий* и *высокий* «измеряют» одно и то же, но с разных сторон: *глубокий* — изнутри, а *высокий* — снаружи. *Глубокий* предмет измеряется взглядом наблюдателя сверху вниз, т. е. от входного отверстия контейнера до его дна — и обратно, причем дно как своеобразный предел движения взгляда наблюдателя, очень существенно для семантики прилагательного *глубокий*. *Высокий*,

наоборот, предполагает движение взгляда наблюдателя снизу вверх [2, с. 19]: *высокий бак для мусора, глубокий бак, высокая коробка, глубокая коробка* (ту же картину мы имеем в английском языке: *deep barrel, high barrel, deep box, high box, deep container, high container*).

Нормативность и размер в языковой картине мира

Человек воспринимает мир избирательно, и прежде всего замечает и обозначает (маркирует) отклонения от нормы, эталона, т. е. то, что выделяется на нейтральном фоне. Поэтому всем ненормативным, редким и необычным явлениям обеспечены лексические номинации. Любопытно, что словарный состав языка едва ли не в большей мере отражает патологию, чем норму. При этом фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств весьма эффективно служит целям идентификации объектов, их выделению из классов им подобных. Обозначая понятие (концепт), человек делает выбор не из бесконечного множества его нормативных свойств, а из малого числа индивидуальных признаков [11].

Бесспорно, норма является одной из важнейших единиц метаязыка семантики. Понятие нормы относится практически ко всем (или почти всем) аспектам картины мира. Характеризуя то или иное явление через атрибуты, носители языка имеют представление о норме, более того, считает Т. М. Николаева, «сценарий мировых событий должен быть позитивным, негативное и отклоняющееся от нормы, маркируется» [12, с. 237]. Хорошее — это положительное, соответствующее нормальному состоянию объекта, плохое — отрицательное, маркированное, т. е. соответствующее ненормальному состоянию объекта. Хорошее соотносится с нормой, потому что это то, что в стандартной ситуации ожидается от объекта. Аналогичным образом интерпретируются и сочетания с параметрическими прилагательными, в частности прилагательными размера. Например, «положительный» термин *high* (*высокий*) соответствует измерению объекта в нормальном направлении на шкале высоты, в то время как «отрицательное» *low* (*низкий*) — в аномальном направлении [18].

Показательно, что параметрические прилагательные выражают сам факт наличия нормы, так называемую «нормативность», составляющую общее свойство восприятия действительности человеком. «Норма» в толковании прилагательных является переменной величиной, которая заполняется в конкретных словосочетаниях информацией о соответствующем параметре. При употреблении прилагательных размера особо важными оказываются прагматические критерии. Важно иметь в виду, что различаются нормы размера для взрослого и ребенка. Отсюда проистекает и понятный не только психологически, но и лингвистически эффект, когда по детским воспоминаниям большие, высокие и другие предметы и существа оказываются по прошествии многих лет маленькими и низкими. В этом смысле прагматическая норма определяется в первую очередь ситуацией речи, а точнее, параметрами говорящего или адресата. Нормы возраста, длины, высоты — семантические переменные — заменяются переменными прагматическими: высок по сравнению со мной, тяжел для меня и т. д. [8].

Очевидно, что в языке и в коллективном опыте присутствуют различные параметрические нормы. Однако, с другой стороны, эти нормы в сильной степени зависят от жизненного опыта носителей языка и достаточно изменчивы. Точнее говоря, постоянные видовые нормы (и нормы пропорции) существуют только для ограниченного круга объектов. Так, видимо, понятие короткого карандаша достаточно неизменно и может быть выражено в абсолютных единицах, понятие короткой юбки значительно изменилось вместе с развитием моды (ср.: длинные ноги), а понятие большого дома сильно зависит от жизненного опыта говорящего, речевой ситуации и других трудно учитываемых параметров. Заметно различаются нормы размеров домов в деревне, провинциальном или столичном городе. Иначе говоря, нормы размера у дома без уточнения ряда характеристик как самого дома, так и говорящего не существует.

Таким образом, мы видим, что не существует «эталона», или стандарта, параметрических ха-

рактеристик объектов, в частности размера. Норма размера объектов каждого класса своя: как правило, это обычный, типичный для представителей определенной группы носителей языка, размер объектов данного класса. При этом представления о средней, нормальной величине объекта могут меняться в зависимости от ситуации, осознаваемой как «стандартная», по крайней мере, большинством носителей языка, а также в зависимости от того, какие нормы и правила установлены в том или ином социуме.

Однако привычный, средний размер объектов данного класса — это не единственно возможный эталон размера. Размер самого человека выступает в языке как «абсолютный», антропоцентрический эталон размера — в противоположность обычному, среднему размеру объектов данного класса, который можно называть «относительным эталоном». Для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Так, мы оцениваем размеры животных, соотнося их с размерами человеческого тела. Слоны, носороги и бегемоты — большие животные, потому что они больше человека, а зайцы, кошки, хомяки — маленькие животные, потому что они меньше человека [2]. Поскольку система норм — «человеческое установление» [2, с. 31], «человеческий фактор» входит в значение большинства слов, связанных с понятием нормы, в том числе и в значение многих параметрических прилагательных, для которых представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Пользуясь прилагательными размера, человек характеризует предметы, соотнося их с самим собой как с эталоном пространственного описания, при этом довольно часто в обыденной практике в качестве единиц длины, глубины, высоты, ширины и др. выступают части тела человека: локоть, ступня, ладонь, палец, рука, кулак, голова, плечи (их ширина) и т.п.: *речка глубиной по пояс, грязь — по щиколотку, трава в человеческий рост, коса в палец толщиной*; в английском языке: *The water was seeping through a crack as long as my hand and the width of a finger (O'Dell). The planks were all about the same size, the length of my arm (O'Dell).*

Заключение

Результаты проведенного анализа языкового поведения английских и русских прилагательных размера подтверждают высказанную в начале статьи мысль об антропоцентричности «способа измерения» объектов в языке. Представляется, что идея антропоцентричности, «запятанная» в семантике исследуемой параметрической лексики, в значительной степени помогает понять, почему «языковая измерительная система» далеко не

всегда базируется на общепринятых геометрических правилах. Следуя этой идее, мы постарались показать, что размеры объектов описываются не иначе, как «через призму» воспринимающего субъекта: его биологические особенности, его «манера наблюдать» и оценивать объект, а также приспосабливать этот объект для своих целей являются важными факторами, обуславливающими восприятие и интерпретацию размерных характеристик объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
2. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28. С. 5–33.
3. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004. № 1. С. 18–36.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1996
5. Касевич В. Б. Язык и знание // Язык и структура знания. М.: Академия наук СССР, 1990. С. 9–25.
6. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992.
7. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996.
8. Кронгауз М. А. Норма: семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 128–136.
9. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Наука, 1988. С. 141–172.
10. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4.
11. Лаенко Л. В. Оценочный аспект семантики одорических прилагательных английского языка. К вопросу о частеречной категоризации признаков слов // С любовью к языку. М.; Воронеж, 2002. С. 366–373.
12. Николаева Т. М. Качественные прилагательные и отражение «картины мира» // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М.: Наука, 1983. С. 235–244.
13. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. Словари, 2000.
14. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
15. Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. 1988.
16. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003.
17. Шемякин Ф. Н. О связи пространственных представлений с восприятиями // Проблемы восприятия пространства и времени. Л.: ЛГУ, 1961. С. 87–89.
18. Clark H. Space, time, semantics and the child // T. E. Moore (ed). Cognitive Development and Acquisition of Language. N. Y.; London: Academic Press.
19. Dirven R., Taylor J.R. The Conceptualization of Vertical Space in English: The Case of Tall // Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1988. P. 379–401.
20. Lang E. Semantics of Dimensional Designation // Dimensional Adjectives. Berlin: 1978. Vol. 26. P. 263–407.